

Serdiuk I. Childhood and age limits in society of Getmanat XVIII century

Igor Serdiuk // Былые годы. – 2015. – №3. – С. 499–507.

УДК 94(477)«1648/179»–053.4

Детство и его возрастные рамки в обществе Гетманщины XVIII в.

Игорь Александрович Сердюк

Полтавский национальный педагогический университет, Украина

36000, Полтава, ул. Остроградского, 2

кандидат исторических наук, доцент

E-mail: Ig.Serdiuk@gmail.com

Аннотация

В данной статье пойдет речь о ребенке в обществе Гетманщины – автономного образования в составе Российской империи, которое во второй половине XVIII века стремительно теряло остатки автономии, подвергаясь желанию центра модернизировать и унифицировать свои пограничные территории. Такое взаимодействие традиции и новшеств влияло на общественное мировоззрение и определяло отношение к семье, браку, ребенку. Эти темы еще сравнительно слабо исследованы на украинском материале, в особенности проблематика детства.

Исследования действительно «маленького человечка» в Украине XVIII века осуществляются практически с чистого листа и для начала необходимо определить, кого общество считало ребенком, а также когда начиналось и заканчивалось детство. Этот вопрос сложнее, чем кажется на первый взгляд, поскольку общество Гетманщины в отношении к детям руководствовалось хитросплетением народных традиций, церковных норм, «старого» права (Литовский статут, Магдебургское право и Саксонское зеркало унаследованные от Речи Посполитой) и «нового» законодательства Российской империи. Они по-разному определяли возраст взросления, когда индивид становился ребенком и переставал им быть, а также критерии этих возрастных рамок.

Важно то, что правовые механизмы возрастной идентификации включались в действие в случае судебных расследований, имущественных споров, брачных коллизий. На повседневном же уровне восприятие детства и «взрослости» зависело от сочетания внешних признаков индивида (телосложение, черты лица и т.д.), поведения, выполняемых социальных ролей. При этом огромную роль играл институт брака, акт которого был, наверное, самым важным и показательным маркером того, что ребенок, наконец-то становился взрослым.

Ключевые слова: взросление, возраст, Гетманщина, детство, младенец, право, ребенок.

Abstract

In this article we will talk about the child in society Hetmanate - an autonomous entity within the Russian Empire, which in the second half of the XVIII century, is rapidly losing the remnants of autonomy, undergoing desire to modernize and unify the center of its border territory. Such interaction of tradition and innovation to influence public attitudes and defines the relationship to the family, marriage, child. These topics are still relatively poorly studied in the Ukrainian materials, especially the problems of childhood.

Studies do "little man" in Ukraine XVIII century made almost from scratch, and to begin to determine whom society is considered a child, as well as when to start childhood ended. This question is more complex than it seems at first glance, as a society Getmanat against children artful design was guided by folk traditions, church rules, the "old" law (Lithuanian Statute, Magdeburg Law and Sachsenspiegel inherited from the Polish-Lithuanian Commonwealth) and the "new" law of the Russian Empire . They have different definitions of older age when an individual becomes a child and cease to be, as well as criteria of age limits.

It is important that the legal mechanisms of age were included in the identification of action in case of judicial investigations, property disputes, marital conflicts. At the same level of everyday perception of childhood and "adulthood"

depended on a combination of external signs of the individual (body, facial features, etc.), behavior, social roles performed. At the same time played a huge role the institution of marriage, an act which was probably the most important and revealing marker that the child finally Stavan adults.

Keywords: adulthood, age, Hetman, childhood, child, right child.

Введение

По мнению известного французского историка детства Филиппа Арьеса, образ детства, в современном его понимании, был изобретен в XIX веке. А до того, отношение к ребенку было совершенно иным и определялось реалиями доиндустриального общества [1]. Многие положения труда Арьеса сегодня выглядят как минимум дискуссионными, однако, работа выполнила важную роль интеллектуальной провокации и привлекла внимание историков к проблеме действительно «маленького человека». Впрочем, «украинский» ребенок пока что находится на периферии научных интересов историков Раннего Нового времени. Подобные исследования затруднены тем, что ребенок является преимущественно случайным фигурантом в источниках. Да и сам образ детства достаточно тяжел для (ре)конструирования, хотя бы из-за размытости его рамок (возрастных, социальных и т.д.) и неопределенности дефиниций (вроде «младенец», «малолетний», «ребёнок»), употребляемых в тогдашней письменной лексике. Иначе говоря, изучая жизнь детей в обществе Гетманщины, очень важно определить, кого же тогда считали ребенком.

Необходимо уточнить, что в данной статье речь пойдет об обществе Гетманщины – автономного образования в составе Российской империи, которое во второй половине XVIII века стремительно теряло остатки автономии, подвергаясь желанию центра модернизировать и унифицировать жизнь окраин. Тем не менее, до 1781 года бывшее казацкое государство еще делилось на полки и сотни (аналоги губерний и уездов), имело собственную судебную систему и «старое» судебное законодательство, унаследованное еще со времён Речи Посполитой. Подобные особенности способствовали тому, что

общество Гетманщины в отношении к детям руководствовалось хитросплетением народных традиций, христианских норм, «старого» и «нового» права. Они и определяли возраст, когда индивид становился ребенком и переставал им быть, а также критерии этих возрастных рамок.

Обсуждения

Увы, для украинских исследователей Гетманщины основополагающая интеллектуальная провокация Филипа Арьеса (книга «Ребенок и семья при старом режиме») прошла практически бесследно, даже не смотря на доступность книги в русском переводе. Сегодня мы имеем лишь несколько заметных публикаций, построенных на анализе письменных источников с учетом идей Арьеса и дальнейших дискуссий вокруг них [2]. Значительно больший объем библиографии наработала украинская этнография (этнология), но эти работы грешат переносом обычаев и конструктов XIX в. на более ранние периоды, а также слишком уж буквальным прочтением этнографического материала. Примером этого является отдельный том этнографической серии «Народная культура украинцев» посвященный детству в украинском традиционном обществе, авторства представителей украинской академической этнографии. В части касающейся непосредственно ребенка в XIX веке по сути пересказывается известная книга Марка Грушевского написанная в начале XX в. Да и с точки зрения методологии издание немного «прихрамывает», в предисловии сказано, что авторы придерживаются модной нынче методологии «грибницы» и «куста» исследуя все понемногу, что уже само-по себе не нуждается в комментариях [3]. По сути единственной качественной работой, которая исследует возрастные рамки детства на украинском материале сегодня является статья Владимира Маслийчука [4].

Закономерно, что западноевропейская и мировая историография имеет значительное количество качественных работ, построенных как на наследии Арьеса, так и на его критике. Мы не будем останавливаться на ее характеристике, поскольку это уже сделано неоднократно до нас, например, в замечательном эссе Хью Каннингема, опубликованном в «The American

Historical Review» [5] или в специальных библиографических очерках [6]. Отметим, что данные обзоры называют много классических работ посвященных различным аспектам детства, в переводах которых остро нуждаются украинские исследователи. Подобные переводы могут стать неким образцом и, параллельно с проведением тематических мероприятий, будут стимулировать к исследованию детства, как, например, это случилось в русской или польской историографии. Здесь важными маркерами возрастания интереса к теме являются специальные выпуски центральных исторических изданий (см. напр.: [7]), коллективные монографии и сборники (см. напр.: [8]), работа специализированных институций, публикующих серийные издания, как, например, Международный семинар РГГУ «Культура детства: нормы, ценности, практики [9].

Результаты

Формирование образа детства в украинском традиционном обществе на основании различных критериев «на выходе» дает нам разные его возрастные рамки. Иначе говоря, различные источники дают нам не одинаковую информацию. Наиболее логичным в этом контексте, представляется обращение к нормам права, привлекательным своей конкретикой и четкостью. Впрочем, это только на первый взгляд, ведь в Гетманщине XVIII века действовала смесь «старого» права (представленного, в первую очередь, Литовским статутом 1588 года, Магдебургским правом и Саксонским зеркалом) и активно внедряемого «нового» законодательства Российской империи. Запутанность правовых норм углублялась противоречивостью их трактовки в судах Гетманщины, которую на многочисленных примерах прекрасно проиллюстрировано в работе Владимира Маслийчука [10].

Подобную фривольность можно объяснить составом тогдашнего суда, который формировался из казацкой старшины, магистрата, известных персон, а эти люди не были профессиональными юристами. Отсутствие таковых вполне закономерно, ведь за метким наблюдением историка Александра Каменского, в Российской империи XVIII века право еще не существовало как

самостоятельная сфера общественной деятельности [11]. Судьи имели возможность избрать наказание по своему выбору, но они должны были учитывать изменения в имперской системе наказаний, которые осуществлялись под влиянием идеалов Просвещения. К примеру, на деятельность судебных инстанций важное влияние оказал указ 1763 года с его знаменитой формулой «лучше десятерых виновных простить, чем одного невинного казнить». В итоге, судебные приговоры Гетманщины второй половины XVIII в. имеют общий формуляр. Сначала суд апеллировал к определенным нормам Литовского статута, которые требовали, преимущественно, жесткого наказания, потом ссылался на указ 1763 года (либо ему подобные) и оглашал более мягкий приговор (телесные наказания, ссылка). Например, за убийство матерью своего новорожденного ребенка Литовский статут (раздел 11, артикул 60) требовал смертную казнь [12]. Но изучив более 80 подобных процессов второй половины XVIII в., украинский историк Владимир Маслийчук не нашел ни одного смертного приговора. Самый жестокий из них был оглашен женщине, которая повинилась в жестоком убийстве ребенка – битье кнутом и ссылка в Оренбург, в большинстве же случаев наказывали плетьюми и отпускали, либо же накладывали епитимию [13].

Упомянутая неопределенность касалась грани взросления, то есть возраста, с которого ребенок перестает быть ребенком. К этому я обращусь несколько ниже, а сейчас попробую рассмотреть границу, с которой ребенок становится ребенком.

Раздел 11 Литовского статута содержит нормы, которые защищают ребенка еще до его рождения, так артикул 15 предусматривает ответственность за вред, причиненный беременной женщине, в результате которого та «плод мертвый поронила». Виновник должен быть заключен на три месяца, а потом его ожидало публичное покаяние у дверей церкви. Наказание за такое преступление было значительно мягче убийства уже рожденного ребенка, примечательно, что когда погибал не только плод, но и женщина, которая его носила, виновник должен быть наказан смертью. Жизнь будущего ребенка

защищалась и от посягательств со стороны матери, женщину, которая *«тратила»* своего не рождённого ребенка, или же уговорила на это кого-то, должны были казнена (арт.60). Устав защищал конкретного ребенка, а не детство как таковое. За артикулом 34 казнь беременной женщины-преступницы откладывалась только к родам, то есть существовала узаконенная перспектива оставить младенца без материнской заботы, уже сразу после появления на свет [14].

На практике же использовалась масса оговорок. Примером этого является дело, которое рассматривалось полковым судом города Полтавы летом 1708 года. Житель стенного городка Старые Санжары Яков Петренко нанес тяжелые побои своей жене Ирине *«во время непраздного ея живота»*. После избиения женщина преждевременно родила ребенка с *«многими знаками побития на теле младенческом»*, младенец родился живым, однако имел тяжелые повреждения (следы побоев на тельце и даже *«члонки поломанными»*), поэтому было поспешно крещен, а после этого сразу умер. Суд принял во внимание повреждение ребенка именно в материнском лоне, поскольку допрашивал бабу и священника для *«испитаня правды израненного младенца во чреве матерные»*. Петренка признали виновным, однако наказание назначили довольно мягкое, за убитого *«не из приключения»* (случайно – И.С.) ребенка, он должен был 6 недель пребывать *«на замке»*, а затем четыре раза в год в церкви каяться в своем грех перед всеми людьми [15].

Убийцу судили на основании положений Литовского статута, причем того его артикула, где речь шла именно об убийстве ребенка своими родителями (разд. 11 арт.7). Этот пункт касается ребенка вообще, без уточнения рожден он или нет. Наверное, судьи приняли это во внимание и сократили срок пребывания *«под замком»* с года и шести недель до шести недель. В данном случае, суд воспользовался седьмым артикулом и оставил без внимания пятнадцатый, который прямо касается *«выбивания»* плода [16].

Ребенок, еще находясь в утробе матери, мог приобретать не только личные права (право на жизнь и т.д.), но и имущественные. Именно из этих положений

начинается известным украинским историком сборник «Собрание малороссийских прав ...», которые уравнивают шансы на наследование имущества рожденных и не рожденных детей: *«Права нерожденных суть равны как и рожденных детей в разсуждения наследия и участия в имени родительском; для сего требуется, чтоб отец в своём тестаменте именуя детей своих упомянул и о имеющем родиться»*. Нужно учитывать, что «Собрание ...» не действовало как кодекс, а было механическим (местами довольно эклектичным и противоречивым) сочетанием употребляемых в Малороссии норм. При этом положение об имущественных правах не рожденных детей были заимствованы из Магдебургского права. В этом контексте важным представляется установление срока, начиная с которого плод получал права. Он привязывался не ко времени беременности, а к акту объявления о ней, на это беременной женщине давалось 30 дней с момента захоронения мужа. Возможные сомнения родни в происхождении ребенка решались установкой срока в 10 месяцев и два дня после смерти мужа в течение которого рождение младенца считалось правомерным [17].

Таким образом, в соответствии с правовыми нормами, действующими в Гетманщине, сам акт рождения младенца нельзя однозначно считать началом детского возраста. Еще находясь в материнской утробе, ребенок получал определенную правовую защиту и даже материальные права. Конечно, объем этих прав (а особенно их реализация на практике) существенно отличались от статуса малолетнего ребенка, подростка и взрослого. Между этими возрастными категориями проходит довольно размытая граница. Традиционно считается, что важным признаком вхождения во взрослый мир является несение полной уголовной ответственности. Но нормы Литовского статута свидетельствуют о существовании определенной разницы между совершеннолетием и ответственностью. В соответствии с разделом 6 (арт.1) *«лета мущина имеет полные осмнадцать летъ, а девка тринадѣцать летъ»* [18]. Зато за 11 артикулом раздела 14, в котором речь идет об обвинении *«летъ*

полных не имеющих», полная уголовная ответственность наступает с 17 лет, а младших преступников запрещалось наказывать смертью и пытками [19].

Важно, что взросление не зависело от сословия, например, за тем же 11 артикулом 14-го раздела несовершеннолетним признавался *«шляхтичь в летах шестнадцати, а не больше»*. Старое польское законодательство в этом плане поддерживалось имперскими инициативами, в частности указом императрицы Екатерины II от 26 июня 1765, в соответствии с которым совершеннолетие наступало с 17 лет [20].

Для девушек детство могло заканчиваться не в определенном возрасте, а после свадьбы. Подобный подход озвучен в «Правах по которым судится малороссийский народ...», здесь четкие ограничения взрослого возраста девушек (13 лет) несколько размываются следующей альтернативой: *«или пока в замужество будут выданы»* [21].

Среди законодательных актов, действующих в Гетманщине, очень интересным видится Саксонское зеркало, этот документ дает собственную версию периодизации детства: *«Возраст есть четвероякий: первый отрочество в тринадцати летах и шести неделях по ленному праву, а по саксонском в двенадцати летах, второй, когда кто в лета разсуждения приходит, то есть имеет 14 лет, и потому может учинить тестамент, третий в 18 лет, и таковы может собственностью своею располагать по своей воле, и слугу невольнаго отпустить ...; четвертый в 21 ч, таковы имеет полные лета ... »* [22].

Нужно не забывать, что правовые нормы в плане определения возрастных границ рисуют идеальную картину, а на практике их трактовка была противоречивой и запутанной. Неуверенности придавало также довольно безразличное отношение к возрасту присущее обществу Раннего Нового времени. Современные исследования показывают неточность указаний возраста лиц, фигурирующих в учетной документации Гетманщины [23]. Это касается как ревизий, так и материалов церковного учета, при этом «забывчивость» священников распространялась не только на паству в целом, но и

непосредственно на членов их собственных семей [24]. Если же сравнить точность указания возраста взрослых и детей, то явное преимущество будет в пользу последних. Это связано в первую с тем, что рождение ребенка происходило сравнительно недавно, а поэтому могло лучше привязываться к каким памятным событиям, а следовательно и точнее определяться. Когда точный возраст ребенка был неизвестен, он устанавливался «на глаз», как, например: *«присталъ ко двору моему хлопецъ сирота, именно Мартинъ, зростомъ якъ бы в десятокъ летъ»* [25]. В данном случае критерием «детскости» служила внешность.

Изучая детство в средневековой Польше, современная польская исследовательница Малгожата Делимата (Małgorzata Delimata), выяснила ряд основных (для тогдашнего общества) его признаков. В первую очередь, это были как раз особенности внешности, которые заставляли античных и средневековых авторов с определенным умилением наблюдать физическую слабость ребенка, и строение его тела, отличное от взрослых. Существенные телесные особенности присущи младенцу только в первые годы его жизни (за счет других пропорций), а дальше ребенок уже выглядит как уменьшенная копия взрослого [26]. На подобном восприятии ребенка как маленького взрослого в традиционном обществе, акцентировал внимание и Филипп Арьес, при этом он рассматривал и детскую одежду. Если мы воспользуемся примером французского ученого и посмотрим на украинские вотивные портреты XVIII века, то увидим детей одетых или в распашонки, или точно так же как их родители (без промежуточного этапа) [27].

Сходство объясняется тем, что часто, заказывая одежду для себя, отец заказывал ее и для сына из того же материала. Такие свидетельства встречаются в дневнике генерального хорунжего Николая Ханенка. Например, 25 ноября 1733 г. *«даны до роблення Максиму шапочнику две муфы з медведя для мене й для Василька»*. На следующий день он написал *«кунтушь мне покроень з кофейного сукна, до которого дано на нитки и шовкъ 7к. Василку – кунтушикъ, кафтанчикъ и штаны покроены»* [28].

Словесные портреты тогдашних подростков мало чем отличались от аналогичных описаний взрослых. Посмотрим более внимательно на описание уроженцев города Конотоп братьев Козаченко, которых в 1777 году разыскивали за кражи. Старший брат – 20-летний Опанас Козаченко *«лица круглаго угроватого волосов черних, одежда на нем свита сукна простого сшита ... кафан китаики зеленой шапка кругла ... в штанах пестрових чоботях яловичих нових»*. Младший 14-летний Иван Казаченко описан практически аналогично: *«лица тоже круглого угроватого волосов черних же кафан пестровий набоичаний, юпка китайчата шапка с околицею белою, а вершка синя в чоботах»* [29]. Внешность обеих (один из которых уже взрослый, а другой еще несовершеннолетний) описана одинаково. Ориентировки обращали внимание на одежду, потому что она бросалась в глаза и простому человеку того времени было очень трудно ее поменять. Абсолютно «взрослая» одежда сочетается с двумя типичными признаками подросткового возраста: отсутствием усов (бороды) и прыщами. Примечательно, что обе они присущи как несовершеннолетнему, так и формально взрослому, это свидетельствует об условности возрастных делений, а также о мирном сосуществовании детского и взрослого начал в одном человеке.

Похоже, что прыщи и тогда были неотъемлемым визуальным атрибутом подросткового возраста. В апреле 1763 года известный украинский философ Григорий Сковорода в одном из писем к 18-летнему студенту харьковского коллегиума Михаилу Ковалинскому очень трогательно просил не давить прыщ на лице: *«Прыщ, который выскочил на лице, прошу, не трогай и не ковыряй. Вчера я ужаснулся, случайно услышав, что для многих такие прыщи, которые казались незначительными, были смертельными именно потому, что их раздирали»* (мой перевод с украинского издания – И.С.) [30].

Еще одним специфическим признаком детства Малгожата Делимата называет восхищение к играм и забавам, за сочным замечанием польской исследовательницы, ребенок в средневековье предстает как существо невинное, своевольное, зависимое от игр и забав, он окружен миниатюрными орудиями

труда, оружием и т.д. [31]. Современные исследования, проведенные на украинском материале, позволяют осторожно констатировать, что «игровой» возраст в Раннее Новое время был довольно коротким, ведь ребенок должен был работать. Уже в возрасте 10-14 лет дети массово фигурируют в учетной документации как рабочие, батраки, «слуги», ученики, многие из них даже получали плату за свою работу. Выполнение ролей рабочих связано с такими важными аспектами как мобильностью и самостоятельностью. К примеру, среди подростков города Стародуба в 1760-е годы, которые жили вне собственной семьи, около половины были выходцами из сел полка, остальные – местными жителями. Они даже могли иметь в городе родителей, но жить врознь и наниматься к разным людям. 12-летний стародубский обыватель Самойло Федоров жил *«с пропитания»* без родителей, потому что *«отец его своего двора не имеет, а живет нанимается в разног звания людей»* [32]. После 14-летнего возраста трудовая мобильность подростков возрастает еще больше. По состоянию на 1766 год в городе Переяславе парней возрастом 15-19 лет жило в два раза больше, нежели тех, кому исполнилось 10-14 лет. Эта ситуация объясняется наплывом молодых батраком, большинство из которых пришли из деревень [33].

Сюжет с трудом, мобильностью и самостоятельностью указывает на существование различий того, как возрастные рамки детства могли устанавливать нормы права с одной стороны и сама жизнь с другой. Учет таких «жизненных» реалий положен в основание историко-демографического подхода к исследованию возрастных периодизаций. Наиболее распространенный способ деления населения на большие возрастные группы вообще не оперирует понятием «взрослость», вместо этого употребляется категория «активное население». В соответствии с демографическими исследованиями ним на детство приходится возрастной промежуток 0-14 лет, а с 15 лет начинается активный возраст, который длится до 59 или 64 лет [34]. В данном случае критериям активности является высокая мобильность, работа, половая зрелость, возможность зачатия и рождения,

соответствующий физическое состояние организма. По мнению современных украинских историков-демографов, подобное разделение соответствует представлениям общества Гетманщины о детстве (0-14 лет), зрелом возрасте (15-59 лет) и старости (60 лет и старше). Именно так распределяли населения составители Генеральной описи Левобережной Украины 1765–1769 гг. [35].

Наконец еще одним важным (вероятно – решающим), шагом вступления во взрослый мир был акт брака. Как пишет по этому поводу Малгожата Делимата (цитируя святого Исидора Севильского), конец детства давал возможность заключения брачной связи [36]. Напомню, что Литовский Статут устанавливал брачный возраст для мужчин 18, а для девушек – 13 лет. Однако, в реальности большинство браков заключались позже, из 83-х мужчин в возрасте 20-24 года зафиксированных в Генеральной описи Переяслава женатыми были только 6, а из 190 женщин в возрасте 15-24 лет, замужем значатся 40. Соответственно, и средний возраст вступления в первый брак для мужского населения Переяслава (по состоянию на 1766 г.) составлял 25,7 лет, для женщин – 22,5 лет. Для населения Полтавы, средний брачный возраст составлял для мужчин – 28,1 лет, для женщин – 22,3 лет. Для сельского населения Стародубского полка аналогичные показатели равнялись 23,7 и 19,1 года соответственно [37]. Согласно исследованию российского историка Бориса Миронова, в конце XVIII века, в Центральной России средний возраст невест составлял 15-16 лет, женихов – 16-18 лет. Российский ученый отметил, что в городах венчались на год-два позже, чем в селах [38]. Как отметил Владимир Маслийчук, брак был одной из ступеней взросления, своеобразной лакмусовой бумажкой взрослости. Поэтому не все, кто имел право на заключение брака, были готовы к нему, и даже 22-летнему парню могли отказать в разрешении на брак, мотивируя это его молодостью [39].

Очевидно, что восприятие «взрослости» каждого конкретного подростка зависело от сочетания его внешних признаков (телосложение, черты лица и т.д.), поведения, выполняемых социальных ролей. Интересный, хотя и казуальный, пример касается тринадцатилетнего «колдуна» Федора Дрофы,

жившего в одном из украинских сел в конце XVIII века. Помогая взрослым соседям расколдовать их якобы заколдованное поле, парень заставлял последних ходить вокруг нивы и махать над ней палками. Затем он нашел местных выборного и десятского и с ними загнал на заколдованную ниву «ведьму» Меланья Ярмачку, где беднягу заставили бегать по полю и собирать на себя чары. Выходит, что тринадцатилетний парень благодаря роли колдуна получил достаточный авторитет для управления взрослыми соседями и представителями местной власти, его способности воспринимались взрослыми всерьез [40].

Заключение

Вопрос, кого общество Гетманщины считало ребенком, а также когда начиналось и заканчивалось детство, сложнее, нежели виделось на первый взгляд. Сегодня логичным кажется обращение к строгим и точным нормам права, но в нашем случае это не срабатывает. В XVIII веке казацкая автономия использовала смесь «старого» права (Литовский статут 1588 г., Магдебургское право и Саксонское зеркало унаследованные от Речи Посполитой) и «нового» законодательства Российской империи. Судебные органы имели огромное поле для выбора и трактовки «удобных» норм, которые могли огранять ребенка уже в утробе матери и давать ему даже материальные права. Примечательно, что материальный аспект в большей мере был прописан в Литовском статуте с его ориентацией на шляхетское сословие, где вопросы наследования имели первостепенную важность.

Как «верхняя планка» детства определялся преимущественно 17-18-летний возраст для парней и 13-летний для девушек. Важно то, то именно эти рамки устанавливались как брачный возраст, тогда как криминальная ответственность наступала с 17 лет для всех одинаково. При этом, правовые механизмы возрастной идентификации включались в действие в случае судебных расследований, имущественных споров, брачных коллизий (то-есть некоего форс-мажора). На повседневном же уровне восприятие детства и «взрослости» зависело от сочетания внешних признаков индивида (телосложение, черты лица

и т.д.), поведения, выполняемых социальных ролей. При этом огромную роль играл уже упомянутый институт брака, акт которого был, наверное, самым важным и показательным маркером того, что ребенок, наконец-то становился взрослым и полноценным членом общества.

Благодарности

Статья подготовлена благодаря финансовой поддержке Международной ассоциации гуманитариев: грант на исследование темы «Ребенок и детство в обществе Гетманщины XVIII в.».

Примечания

1. Арьес Ф. Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке / Ф. Арьес. Екатеринбург: Изд. Урал. ун., 1999. 221 с.

2. Маслійчук В. Дітозгубництво на Лівобережній та Слобідській Україні у другій половині XVIII ст. / В.Маслійчук. Харків: Музей приват. садиби, 2008. 128 с. Маслійчук В. Дитина та голодні роки (стратегії дорослої та дитячої поведінки на Північному Лівобережжі у 80-х рр. XVIII ст.) / В. Маслійчук // Сіверянський літопис. 2008. № 5. С. 94–99. Сердюк І. Дитина й дитинство в Гетьманщині XVIII ст. / І. Сердюк // Повсякдення ранньомодерної України. Історичні студії в 2-х томах. Т.1: Практики, казуси та девіації повсякдення / Відп. ред. В. Горобець. К., 2012. С. 57–86.

3. Народна культура українців: життєвий цикл людини: історико-етнологічне дослідження у 5т. / наук. ред. М. Гримич. Т.1: Діти. Дитинство. Дитяча субкультура. К.: Дуліби, 2008. 400 с.

4. Маслійчук В. Вік дорослішання: початок повної кримінальної відповідальності в Лівобережній та Слобідській Україні у другій половині XVIII ст. / В. Маслійчук // Український історичний журнал (дальше – УІЖ). 2010. №2. С. 38–42.

5. Histories of Childhood / Н. Cunningham // The American Historical Review. Vol.103. Issue 4. 1998. P. 1195–1208.

6. «Вся история наполнена детством». Наследие Ф. Арьеса и новые подходы к истории детства. М., 2012. (Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики»).

7. Acta Poloniae Historica. Vol.79. 1999. «Childhood and Youth in Historical Perspective».

8. W kręgu rodyiny epok dawnych. Dzieciństwo. Warszawa, 2014. 640 s.

9. Малолетние подданные большой империи. Филипп Арьес и история детства в России (XVIII – начало XX века). М., 2012. (Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики»).

10. Маслійчук В. Вік дорослішання: початок повної кримінальної відповідальності в Лівобережній та Слобідській Україні у другій половині XVIII ст. / В. Маслійчук // УІЖ. 2010. №2. С. 38–42.

11. Каменский А. Россия в XVIII веке / А. Каменский. М., 2006. С. 42.

12. Статут Великого Княжества Литовского 1588 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (дата обращения: 17.02.2015).

13. Маслійчук В. Дітозгубництво на Лівобережній та Слобідській Україні у другій половині XVIII ст. / В. Маслійчук. Харків: Музей приват. садиби, 2008. 128 с.

14. Статут Великого Княжества Литовского 1588 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (дата обращения: 17.02.2015).

15. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. Вернадского. Ф.61. Д.878. Лл. 39–39 об.

16. Статут Великого Княжества Литовского 1588 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (дата обращения: 17.02.2015).

17. Права по которым судится малороссийский народ / под. ред. проф. А.Ф. Кистяковского. К., 1879. С. 680–691.

18. Статут Великого Княжества Литовского 1588 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (дата обращения: 17.02.2015).

19. См. докл.: Маслійчук В. Вік дорослішання: початок повної кримінальної відповідальності в Лівобережній та Слобідській Україні у другій половині XVIII ст. / В. Маслійчук // УІЖ. 2010. №2. С. 38–42.

20. Статут Великого Княжества Литовского 1588 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (дата обращения: 17.02.2015).

21. Права по которым судится малороссийский народ / под. ред. проф. А.Ф. Кистяковского. К., 1879. С. 299, 717.

22. Собрание малороссийских прав 1807 г. / сост. К.А. Вислобоков, А.П. Ткач и др. К., 1993. С.21.

23. Волошин Ю. Стативно-вікова структура населення міста Полтави в другій половині XVIII ст. / Ю.Волошин // Історична пам'ять. 2011. №1. С. 5–24; Романова О. Сповідальні книги київської митрополії XVIII ст. як спосіб церковного контролю за мораллю парафіян / О. Романова // УІЖ. 2008. №4. С. 122–148. Сердюк І. Особливості відображення вікових категорій населення Лівобережної України в Румянцевському описі Малоросії / І. Сердюк // Вісник Черкаського університету. Сер. «Історичні науки». Черкаси, 2008. Вип. 133–134. С. 55–62.

24. Дмитренко В. Матеріали церковного обліку населення Київської та Переяславсько-Бориспільської єпархій як джерело з соціальної історії Гетьманщини XVIII століття: канд. іст. наук: 07.00.06. Полтава, 2011. Арк. 100–101.

25. Ділова і народно-розмовна мова XVIII ст. (Матеріали сотенних канцелярій і ратуш Лівобережної України). К., 1976. №25. С. 72–74.

26. Delimata M. Dziecko w Polsce średniowiecznej / M. Delimata. Poznań, 2004. S. 32–33.

27. Жолтовський П. Український живопис XVII–XVIII ст. / П. Жолтовський. К., 1978. 327 с.

28. Дневник генерального хоружаго Николая Ханенка (1727–1753г.) // Киевская старина. 1885. №3. С. 129.

29. Государственный архив Полтавской области. Ф.222. Оп.1. Д. 503.

30. Сковорода Г. Повна академічна збірка творів / Г. Сковорода. Харків, 2010. С. 347, 1126–1128.

31. Докл. см.: Сердюк І. «Без заплаты, на харчах и одежи хозяйскихъ»: діти в населенні Лівобережного українського лівобережного міста XVIII ст. / І. Сердюк // Краєзнавство. 2009. № 1–2. С. 196–204.

32. Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киев. (далее – ЦГИАУК). Ф.57. Оп.1. Кн. 148а. Л. 318 об.

33. ЦГИАУК. Ф.57. Оп.1. Кн. 278.

34. Традиция считать детьми людей младших 15-ти лет (относительно населения Европы) довольно длительная, такой поход встречаем уже в демографических исследованиях начала XX века (см. напр.: Sundbärg G. Sweden its people and its industry. Historical and statistical handbook / G. Sundbärg. Stockholm, 1904.).

35. Voloshyn Y. Household composition and family structures of Ukrainian Cossacks in the Second Half of the eighteenth century / Y. Voloshyn // The History of the Family. 2015. Volume 20. Issue 1. P. 147–157. DOI:10.1080/1081602X.2014.944552

36. Delimata M. Dziecko w Polsce średniowiecznej / M. Delimata. Poznań, 2004. S. 32.

37. Сердюк І. Полкових городов обивателі: історико-демографічна характеристика міського населення Гетьманщини другої половини XVIII ст. / І. Сердюк . – Полтава : АСМІ, 2011 . 303 с.

38. Миронов Б. Социальная история России периода империи. (XVIII – нач. XIX в.в.): В 2-х т. / Б. Миронов. СПб., 2003. С. 167.

39. Маслійчук В. Вік дорослішання: початок повної кримінальної відповідальності в Лівобережній та Слобідській Україні у другій половині XVIII ст. / В. Маслійчук // УІЖ. 2010. №2. С. 39.

40. Адамус Т. Магічні практики на території Гетьманщини та на під російських землях України у XVIII ст. / Т. Адамус // Краєзнавство. 2010. №3. С. 59.

References

1. Ar'es F. Rebjonok i semejnaja zhizn' pri Starom porjadke / F. Ar'es. Ekaterinburg: Izd. Ural. un., 1999. 221 s. (In Russian).

2. Maslijchuk V. Ditozgubnyctvo na Livoberezhnij ta Slobids'kij Ukrai'ni u drugij polovyni XVIII st. / V. Maslijchuk. Harkiv: Muzej pryvat. sadyby, 2008. 128 s. Maslijchuk V. Dytna ta golodni roky (strategii' dorosloi' ta dytjachoi' povedinky na Pivnichnomu Livoberezhzhi u 80-h rr. XVIII st.) / V. Maslijchuk // Siverjans'kyj litopys. 2008. № 5. S. 94–99. Serdjuk I. Dytna j dytynstvo v Get'manshhyni XVIII st. / I. Serdjuk // Povsjakdennja rann'omodernoi' Ukrai'ny. Istorychni studii' v 2-h tomah. T.1: Praktyky, kazusy ta deviacii' povsjakdennja / Vidp. red. V. Gorobec'. K., 2012. S. 57–86. (In Ukrainian).

3. Narodna kul'tura ukrai'nciv: zhyttjevyj cykl ljudyny: istoryko-etnologichne doslidzhennja u 5t. / nauk. red. M. Grymych. T.1: Dity. Dytynstvo. Dytjacha subkul'tura. K.: Duliby, 2008. 400 s. (In Ukrainian).

4. Maslijchuk V. Vik doroslishannja: pochatok povnoi' kryminal'noi' vidpovidal'nosti v Livoberezhnij ta Slobids'kij Ukrai'ni u drugij polovyni XVIII st. / V. Maslijchuk // Ukrai'ns'kyj istorychnyj zhurnal (next – UIZh). 2010. №2. S. 38–42. (In Ukrainian).

5. Histories of Childhood / H. Cunningham // The American Historical Review. Vol.103. Issue 4. 1998. P. 1195–1208.

6. «Vsja istorija napolnena detstvom». Nasledie F. Ar'esa i novye podhody k istorii detstva. M., 2012. (Trudy seminaru «Kul'tura detstva: normy, cennosti, praktiki»). (In Russian).

7. Acta Poloniae Historica. Vol.79. 1999. «Childhood and Youth in Historical Perspective».

8. W kręgu rodyiny epok dawnych. Dzieciństwo. Warszawa, 2014. 640 s.

9. Maloletnie poddannye bol'shoj imperii. Filipp Ar'es i istorija detstva v Rossii (XVIII – nachalo XX veka). M., 2012. (Trudy seminara «Kul'tura detstva: normy, cennosti, praktiki»). (In Russian).

10. Maslijchuk V. Vik doroslishannja: pochatok povnoi' kryminal'noi' vidpovidal'nosti v Livoberezhnij ta Slobids'kij Ukrai'ni u drugij polovyni XVIII st. / V. Maslijchuk // UIZh. 2010. №2. S. 38–42. (In Ukrainian).

11. Kamenskij A. Rossija XVIII veke / A. Kamenskij. M., 2006. S. 42. (In Russian).

12. Statut Velikogo Knjazhestva Litovskogo 1588 g. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (data obrashhenija: 17.02.2015). (In Russian).

13. Maslijchuk V. Ditozgubnyctvo na Livoberezhnij ta Slobids'kij Ukrai'ni u drugij polovyni XVIII st. / V. Maslijchuk. Harkiv: Muzej pryvat. sadyby, 2008. 128 s. (In Ukrainian).

14. Statut Velikogo Knjazhestva Litovskogo 1588 g. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (data obrashhenija: 17.02.2015). (In Russian).

15. Institut rukopisi Nacional'noj biblioteki Ukrainy im. V. Vernadskogo. F.61. D.878. Ll. 39–39 ob. (In Russian).

16. Statut Velikogo Knjazhestva Litovskogo 1588 g. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (data obrashhenija: 17.02.2015). (In Russian).

17. Prava po kotorym suditsja malorossijskij narod / pod. red. prof. A.F. Kistjakovskogo. K., 1879. S. 680–691. (In Russian).

18. Statut Velikogo Knjazhestva Litovskogo 1588 g. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (data obrashhenija: 17.02.2015). (In Russian).

19. See: Maslijchuk V. Vik doroslishannja: pochatok povnoi' kryminal'noi' vidpovidal'nosti v Livoberezhnij ta Slobids'kij Ukrai'ni u drugij polovyni XVIII st. / V. Maslijchuk // UIZh. 2010. №2. S. 38–42. (In Ukrainian).

20. Statut Velikogo Knjazhestva Litovskogo 1588 g. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm> (data obrashhenija: 17.02.2015). (In Russian).

21. Prava po kotorym suditsja malorossijskij narod / pod. red. prof. A.F. Kistjakovskogo. K., 1879. S. 299, 717. (In Russian).

22. Sobranie malorossijskih prav 1807 g. / sost. K.A. Vislobokov, A.P. Tkach i dr. K., 1993. S. 21. (In Russian).

23. Voloshyn Ju. Statevo-vikova struktura naselennja mista Poltavy v drugij polovyni XVIII st. / Ju. Voloshyn // Istorychna pam'jat'. 2011. №1. S. 5–24; Romanova O. Spovidal'ni knygy kyi'vs'koi' mytropolii' HVIII st. jak sposib cerkovnogo kontrolju za morallju parafijan / O. Romanova // UIZh. 2008. №4. S. 122–148. Serdjuk I. Osoblyvosti vidobrazhennja vikovyh kategorij naselennja Livoberezhnoi' Ukrai'ny v Rumjancevs'komu opysi Malorosii' // Visnyk Cherkas'kogo universytetu. Ser. «Istorychni nauky». Cherkasy, 2008. Vyp. 133–134. S. 55–62. (In Ukrainian).

24. Dmytrenko V. Materialy cerkovnogo obliku naselennja Kyi'vs'koi' ta Perejaslavs'ko-Boryspil's'koi' jeparhij jak dzherelo z social'noi' istorii' Get'manshhyny XVIII stolittja: kand. ist. nauk: 07.00.06. Poltava, 2011. Ark. 100–101. (In Ukrainian).

25. Dilova i narodno-rozmovna mova XVIII st. (Materialy sotennyh kanceljarij i ratush Livoberezhnoi' Ukrai'ny). K., 1976. №25. S. 72–74. (In Ukrainian).

26. Delimata M. Dziecko w Polsce średniowiecznej / M. Delimata. Poznań, 2004. S. 32–33.

27. Zholtovs'kyj P. Ukrai'ns'kyj zhyvopys XVII–XVIII st. / P. Zholtovs'kyj. K., 1978. 327 s. (In Ukrainian).

28. Dnevnik general'nago horuzhago Nikolaja Hanenka (1727–1753 g.) // Kievskaja starina. 1885. №3. S. 129. (In Russian).

29. Gosudarstvennyj arhiv Poltavskoj oblasti. F.222. Op.1. D. 503. (In Russian).
30. Skovoroda G. Povna akademichna zbirka tvoriv / G. Skovoroda. Harkiv, 2010. S. 347, 1126–1128. (In Ukrainian).
31. See: Serdjuk I. «Bez zapłaty, na harchah y odezhy hozjajskyhъ»: dity v naselenni Livoberezhnogo ukrai'ns'kogo livoberezhnogo mista XVIII st. / I. Serdjuk // Krajeznavstvo. 2009. № 1–2. S. 196–204. (In Ukrainian).
32. Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Ukrainy v g. Kiev. (dal'she – CGIAUK). F.57. Op.1. Kn. 148a. L. 318 ob. (In Russian).
33. CGIAUK. F.57. Op.1. Kn. 278. (In Russian).
34. Tradition holds children people under 15 years of age (relative to the population of Europe) is quite long, so the campaign have already met in demographic studies of the early twentieth century (see: Sundbärg G. Sweden its people and its industry. Historical and statistical handbook / G. Sundbärg. Stockholm, 1904.).
35. Voloshyn Y. Household composition and family structures of Ukrainian Cossacks in the Second Half of the eighteenth century / Y. Voloshyn // The History of the Family. 2015. Volume 20. Issue 1. P. 147–157. DOI:10.1080/1081602X.2014.944552
36. Delimata M. Dziecko w Polsce średniowiecznej / M. Delimata. Poznań, 2004. S. 32.
37. Serdjuk I. Polkovyh gorodov obyvateli: istoryko-demografichna harakterystyka mis'kogo naselennja Get'manshhyny drugoi' polovyny XVIII st. / I. Serdjuk . – Poltava : ASMI, 2011 . 303 s. (In Ukrainian).
38. Mironov B. Social'naja istorija Rossii perioda imperii. (XVIII – nach. XIX v.v.): V 2-h t. / B. Mironov. SPb., 2003. S. 167. (In Russian).
39. Maslijchuk V. Vik doroslishannja: pochatok povnoi' kryminal'noi' vidpovidal'nosti v Livoberezhnij ta Slobids'kij Ukrai'ni u drugij polovyni HVIII st. / V. Maslijchuk // UIZh. 2010. №2. S. 39. (In Ukrainian).

40. Adamus T. Magichni praktyky na terytorii' Get'manshhyny ta na pid
rosijs'kyh zemljah Ukrai'ny u XVIII st. / T. Adamus // Krajeznavstvo. 2010. №3.
S. 59. (In Ukrainian).